

**К ВОПРОСУ О РУССКО-КИТАЙСКОМ
МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

Е.И. Нестерова

Приамурье – регион, где произошла встреча представителей и носителей традиций двух культурных ареалов: европейского, в его русифицированном варианте, и восточно-азиатского.

Существует несколько подходов к рассмотрению «механизма» и характера межэтнических контактов. Один связан с концепцией контактных зон, существованием этнических границ и порубежий. Сторонники этого подхода считают, что именно в пределах относительно узких территорий непосредственного соприкосновения этнических массивов происходят наиболее интенсивные процессы экономического, языкового, культурного и других взаимодействий. Другой подход связан с представлением, что в силу дисперсности расселения представителей различных этносов зонами контакта становятся практически все поселения, поэтому целесообразно исследовать не столько зоны, сколько сферы контакта, связывая понимание сферы с понятием и явлением социального института и социальной среды. Нам представляется, что истина, как обычно, лежит посередине. Именно в контактных зонах в силу интенсивности и многообразия сфер межкультурных контактов возникает потребность в институциональном оформлении взаимодействия с «чужим».

В Приамурье образ «чужого» для русских был тесно связан в первую очередь с многочисленными выходцами из Восточной Азии и уже во вторую – с европейцами-иностранцами. Инаковость первых проявлялась даже при первом визуальном контакте. «Тоскливое чувство против воли овладевает забравшимся впервые сюда с далекого запада путником. ... Это настроение еще более усиливается необычным видом этих оригинальных людей – то длинноносых, то с громадными на головах шишками – людей, облаченных в какое-то подобие женского костюма. Горланый непонятный нам говор этих странных ... созданий еще более усиливает первоначальное впечатление» [1, с. 6].

Канадские исследователи Б. Рэй, Г. Халсет, Б. Джонсон на примере изучения современной китайской иммигрантской общины г. Ванкувера показали, что преодоление расового отчуждения и предвзятого отношения к этническим группам возможно лишь тогда, когда концепции недискриминационной политики реализуются на уровне межличностных социальных связей. В XIX в. в условиях Приамурья такие связи были достаточно редкими, преобладали институциональные и групповые взаимодействия. Иными словами, наблюдалось преобладание предметно-функциональных, а не эмоционально-личностных связей. Во второй половине XIX в. принятие православия, женитьба на русских женщинах, ношение европейской одежды, принятие русского подданства были редкостью.

подавляющее большинство межкультурных русско-китайских заимствований было связано со сферой материальной. Как известно, характер межкультурных заимствований является маркером величины культурной дистанции. Чем значительнее культурная дистанция, тем больше заимствований в материальной сфере и меньше – в духовной. Духовное ядро любой культуры наиболее тщательно оберегается от воздействий и влияний извне и в наименьшей степени трансформируется в межкультурных контактах. Именно такую структуру межкультурного заимствования мы и наблюдаем в русско-китайском пограничье. Абсолютное большинство новаций касается сферы материальной культуры. Так, комиссия, отправленная в 1901 г. на Дальний Восток для сбора сведений по программе Куломзина, зафиксировала следующие примеры. Русское влияние на р. Сунгаче проявлялось в том, что некоторые китайцы использовали домашнюю утварь российского производства, чай фирмы «Кунст и Альберс». Китайцы приглашали русских для распашки целины, т.к. это было трудно сделать их легкими, деревянными орудиями труда. Казаки же переняли некоторые практические приемы китайского земледелия – посев бобовых, использовали ряд китайских сельскохозяйственных орудий [2].

Подобная ситуация была характерна для многих мест Приморской области. А.А. Кауфман, исследовавший колонизационную вместимость Приамурья в начале XX в., отмечал, что, несмотря на то что крестьяне признавали преимущества китайской культуры земледелия, большинство использовало лишь те или иные приемы, не заимствуя агротехнического комплекса в целом. Одной из причин этого были существенные трудозатраты. Другая причина имела психологический характер. Коллежский секретарь Кривошеин, командированный в Южно-Уссурийский край в 1888 г., отмечал: «Я очень хорошо сознаю, что побудить русского крестьянина перейти к иным, и притом своеобразным способам хозяйства, более чем трудно. Особенно трудно перенимать что-либо у таких «нехристей», «диковин» и иных людей в диковинном платье, как китайцы» [3, с. 69]. Кроме того, крестьяне считали, «что этот способ, практикуемый инородцами-язычниками, находится под покровительством нечистой силы» [4, с. 275].

Одной из причин, затруднявших сокращение культурной дистанции, особенно на раннем этапе взаимодействия, являлось то, что китайцы в представлении православных были «нехристями». Один из солдат поста Владивосток делился с Е.С. Бурачком, начальником этого же поста, своими наблюдениями о китайцах (1862): «Что за народ китаец этот: пока не прибьешь – и чванится, будто невесть какой большой, а как двинешь его хорошенько – сейчас же и пардона просит. Стоит ли с ним как с человеком обходиться. И Бог-то у него огонь... басурман, одно слово...» [5, с. 69].

Заимствований в сфере духовной культуры было немного, и они скорее являлись исключением, чем правилом. А.П. Георгиевский сообщает, что «пермяки, переселившиеся в пределы залива Ольги, хорошо говорили по-китайски, молились китайским богам, соблюдали китайские обряды» [6, с. 4]. Однако повторимся, что это единственное свиде-

тельство подобного рода. Кстати, даже знание разговорного китайского языка у русского населения было довольно редким. Так, в 1900 г. в Уссурийском казачьем войске насчитывалось 12 казаков, знавших китайский язык. Свободно владел китайским лишь один казак – Иннокентий Горячкин, крещеный китаец. Знания троих классифицировались как удовлетворительные, а остальных – слабые [7].

К концу XIX в. становится заметным и обратное явление – принятие православия некоторыми китайцами, длительное время жившими на русской территории. Незначительная часть шла еще дальше, решив сменить подданство. В качестве примеров мотивации таких решений, демонстрирующих направление процесса аккультурации на личностном уровне, приведем несколько фрагментов из прошений китайских подданных: «Я родился в Китайской империи, но рос с малых лет на русской территории, а потому и тяготеею к этому народу и свyksя с его обычаями» (из прошения Николая Васильевича Ли-мин-сана) [8]. «Принятие православия и желание принять русское подданство вызвано следующими причинами: убеждением в правоте религии; давностью проживания в России; полной отсталостью от китайских обычаев и неимением никаких родственных связей на родине; предстоящим вступлением в брак с русской подданной» (из прошения Владимира Мамонтова (Ванчун-хуна) [9]. «Выросши в России и свyksись с нравами и обычаями русского народа, я решил сделаться русским не только по внешности, но и по духу. С этой целью я принял православие под именем Михаил» (из прошения Михаила Юлиановича Чанхая, сына крупного хабаровского купца Чин-хая (Чан-хая). Его отец владел недвижимостью в Хабаровске, возглавлял в 1894 г. китайскую городскую общину. Михаил Юлианович Чанхай родился в 1895 г. в Хабаровске. По его словам, все свободное время он проводил с русскими детьми. В 1902 г. поступил в Николаевское городское училище, но начавшаяся русско-японская война заставила его уехать в Пекин. В Пекине он поступил в русско-китайскую школу при управлении КВЖД. Вскоре после окончания войны вернулся к отцу в Хабаровск [10].

Автором проанализированы 87 текстов прошений о принятии в подданство Российской империи китайских подданных в период до 1900 г. Безусловно, эта цифра может быть скорректирована в сторону увеличения. Важным фактором было обращение в христианство – из общего числа просителей 46 указали, что они православные. Большинство приняло православие в течение первых 10 лет пребывания в России. Другими наиболее частыми причинами смены подданства являлись утрата связи с родиной и браки с русскими женщинами.

Небезынтересно, что в «Вестнике иностранной литературы» за 1897 г. была опубликована повесть Клода Риса «Хун-Ти-Кунг; его жизнь и приключения», сюжетом которой послужила история женитьбы китайца на англичанке. Переводчик так откомментировал возможность заключения брака: «Находя, что никакой порядочный англичанин, в здравом уме и полной памяти, не согласился бы на брак своей дочери с джентльменом из Срединного царства, имеющим по отношению к западной культуре характер неизвестного алгебраического количества», автор вывел отца Нелли Сердгент человеком легкомысленным, тщеславным,

эгоистом. «Англичанку, способную выдать дочь замуж за китайца, пришлось бы изобразить еще более мрачными красками. Во избежание этого автор уморил мать героини, в то время как девице было девять лет» [11]. В Приамурье в это же время заключались браки между китайцами и русскими, причем нередко в качестве свидетелей со стороны невесты выступали ее близкие родственники. Судя по имеющимся данным, такие браки общественным мнением воспринимались спокойно, хотя у некоторых представителей власти и вызывал тревогу политический аспект этого вопроса.

Активно препятствовали межконфессиональным бракам староверы и сектанты. «Не могу же я, – говорил, выступая на Амурском съезде один молоканин, – отдать свою дочь за еврея или китайца» [12, с. 162].

В условиях соседства и совместной трудовой деятельности русские отмечали трудолюбие, исполнительность китайцев. Так, приморские крестьяне объясняли А.А. Кауфману: «Китаец – он весь на пашне, и умирает на пашне, – а крестьянину этого нельзя... Они все лето с пашни не сходят» [13, с. 278].

Тем не менее, происходит формирование этностатусной иерархии, в которой подданные Российской империи отводят себе более высокое место. Показателен эпизод, произошедший в долине Сучана в середине 80-х гг. XIX в. Крестьяне-переселенцы напали на китайскую фанзу с целью грабежа, при этом двое китайцев были убиты. Жены крестьян, участвовавших в убийстве, просили исправника Занадворова отпустить их мужей: «потому, что ж, ваше благородие, ведь это манзы, а не русские...» [14]. В целом отношение к китайцам русских переселенцев можно обозначить как амбивалентное: они отмечали трудолюбие, работоспособность китайцев, однако присутствовал и иной компонент, который, наряду с полудобродушным отношением, отметил Н. Матвеев – отношение «полупрезрительное, с явным сознанием собственного превосходства, но в общем терпимое, а в большинстве случаев просто безразличное [15].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на конкретные примеры межкультурного взаимодействия, культурная дистанция оставалась значительной, препятствуя процессу сближения китайцев и русских.

-
1. Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897.
 2. ГАРФ. Ф. 543, Оп. 1. Д. 637. Л. 42 об.
 3. Цит. по: Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. М., 1993.
 4. Кауфман А.А. Материалы по вопросу о колонизационной восточности Приамурского края. СПб., 1901.
 5. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка // Е.С. Бурачек, В.В. Бурачек. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999.
 6. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4: Фольклор Приморья. Владивосток, 1929.
 7. РГВИА. Ф. 1582. Оп. 2. Д. 201. Л. 2 – 2 об.
 8. РГИАДВ. Ф. 704, Оп. 1. Д. 1076. Л. 238.
 9. Там же. Д. 1078. Л. 287 об.

10. Там же. Ф. 1. Оп. 12. Д. 562. Л. 158.
11. Рис К. Хун-Ти-Кунг, его жизнь и приключения // Вестник иностранной литературы. 1897. № 9. С. 111.
12. Аргудьева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е г. XIX в. – нач. XX в.). Владивосток, 1997.
13. Кауфман А.А. Указ. соч.
14. Что такое хунгузы? // Восточное обозрение. 1885. № 44. С. 8
15. Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12. С.29.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ КИТАЙЦЕВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ 30-х гг. XX в.

В.Г. Дацьшен

В 20-30-х гг. XX в. в советской России существовала китайская община численностью более 100 тыс. чел. Несмотря на то что подавляющее большинство китайцев оставались гражданами Китая, руководством партии и государства уделяли им большое внимание. Важнейшим механизмом интеграции китайцев в российское общество и элементом влияния на общественно-политическую жизнь соседнего Китая было полученное в советской России образование китайцев.

Основная масса китайцев в Советском Союзе в 20-х гг. проживала на Дальнем Востоке. Но в силу ряда причин китайская община в этом регионе была как раз наименее интегрирована в российское общество. Замкнутость, вызываемая отчасти простым незнанием русского языка, не только ограничивала возможности партийно-советской работы среди китайцев, вовлечения их в советское строительство, но и способствовала росту конфликтов межнационального характера. Советская власть стремилась сделать жизнь в новой стране привлекательной для всех народов, но даже китайские рабочие не видели преимуществ нового строя. В марте 1931 г. секретарь Далькрайкома ВКП(б) Перепечко в секретном докладе отметил массовый выезд китайцев из СССР. Для нейтрализации этой тенденции, по его мнению, необходимо было «...учесть их культурный рост и развивающиеся от этого потребности»¹.

Советская власть была крайне озабочена низким уровнем грамотности и образованности китайского населения, а кроме того, отсутствием прогресса в этом вопросе. По данным переписи 1923 г., число грамотных среди китайцев составляло 33,9%, а по переписи 1926 г., – 34%. По планам Далькрайона в 1926-1933 гг. предусматривалось ликвидировать неграмотность 8670 китайцев. Но план 1926/27 уч. года оказался выполненным лишь на 60%: вместо 484 чел. неграмотность ликвидировал лишь 301. Советскими школами были охвачены только 21,2% китайских детей школьного возраста, при среднем охвате детей по Дальневосточному краю 65,8%². В ведении Далькрайона в 1928/29 уч. году находилось 7 начальных китайских школ с 402 учениками, а в 1929/30 г. – только 5 школ с 213 учениками. Многие китайцы направлялись на курсы Осоавиахи-